

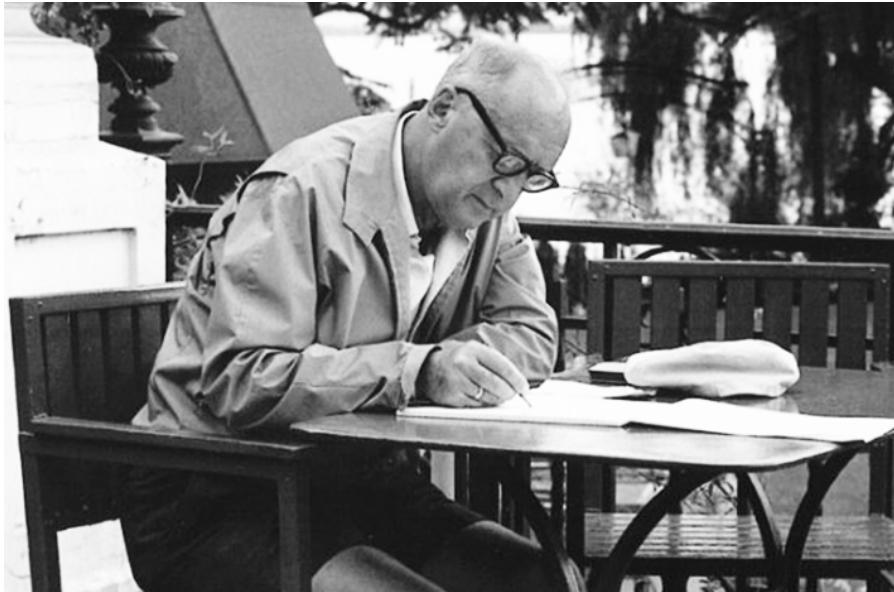
Владимир Владимирович НАБОКОВ родился в Санкт-Петербурге 10 (22) апреля 1899 года в родительском особняке в центре Санкт-Петербурга на Большой Морской улице в доме 47.

Евгений ЛЕЙЗЕРОВ,
Санкт-Петербург

НАБОКОВСКИЙ ЭКВАТОР

(ЭССЕ О СРЕДИННЫХ ГОДАХ ПИСАТЕЛЯ)

Владимир Набоков

При чтении любого произведения Набокова поражает прежде всего стиль. Автор пишет так, будто читателя нет вовсе, вернее, есть – такой всезнающий, всё понимающий, всё могущий пояснить и объяснить. Он заранее знает, что автор может быть непоследовательным в изложении событий, может забежать вперед и неожиданно вернуться к прерванной ситуации. Да кто к ситуации – к высказанной мысли, к пустяковому штриху, к возможной перелицовке всей композиции. От этого читателю поверхностному (коих большинство) – сразу не по себе. «Как же так?» – восклицает сей читатель – «текст должен быть абсолютно понятен каждому читающему, а тут

сплошные загадки, которые ещё не всякий разгадает. И для чего это делается? Может быть, чтобы была видна недосягаемая мне планка при прочтении трудов этого автора?»

И, наверно, такой читатель где-то прав, у него своя непоколебимая, железная правда.

Но, с другой стороны, и писатель имеет право писать так, как до него ещё не писали,

создавать свою систему координат в процессе письма и, как правило, непрестанно следовать ей во всех написанных им произведениях. Что, собственно, Набоков и делал, непроизвольно поставив себе в начале творческого пути такую, казалось бы, неразрешимую задачу. И по сути оказался прав, ибо творчество настоящего Мастера в литературе не бесследно и, вероятно, Набоков не без оснований рассчитывал не только на знающего понимающего современника, но и на близко-далёкого потомка, что по достоинству оценит его стиль, его язык, его философскую систему координат. Подтверждением этому служат конференции по набоковедению в разных странах, на разных языках; журнал «Набоковиана», издающийся в Америке, а также многочисленные труды исследователей.

Помимо литературы были два жизненных пристрастия, коим он мог отдавать, если нужно было, всё свободное время, причем в обоих хобби Набоков слыл отменным профессионалом. Это изучение жизни бабочек и составление шахматных этюдов. В семилетнем возрасте Набоков открыл для себя бабочек, и во взрослой жизни они стали отличительным знаком Набокова-писателя. После успеха «Лолиты» совместными усилиями Набокова и фоторепортёров он стал – в таких журналах, как «Time», «Life» – самым знаменитым лепидоптерологом мира. Эволюцию Набокова-художника можно представить как поиск все более и более действенных способов передачи в прозе тех восторгов, которые он находил в энтомологии: восхищение единичным, потрясение сделанным открытием, интуитивное ощущение тайны и лукаво-обманчивого узора. Бабочки помогли Набокову понять, что мир нельзя принимать как нечто само собой разумею-

щееся, что он намного реальнее и намного таинственнее, чем кажется; собственные набоковские миры созданы по тем же принципам.

Теперь коснёмся того периода времени, когда Набоков проходил свой экватор, но поначалу факты его биографии. Владимир Владимирович Набоков родился в Санкт-Петербурге 10 (22) апреля 1899 года, в родительском особняке в центре Санкт-Петербурга, на Большой Морской, 47. Кроме него, первенца в семье, вместе с ним росли два брата и две сестры. Поскольку семья была англоманской и первые сказанные мальчиком слова в детстве были английские, соответственно в спортивных увлечениях преобладали футбол (Володя был первоклассным вратарем) и бокс.

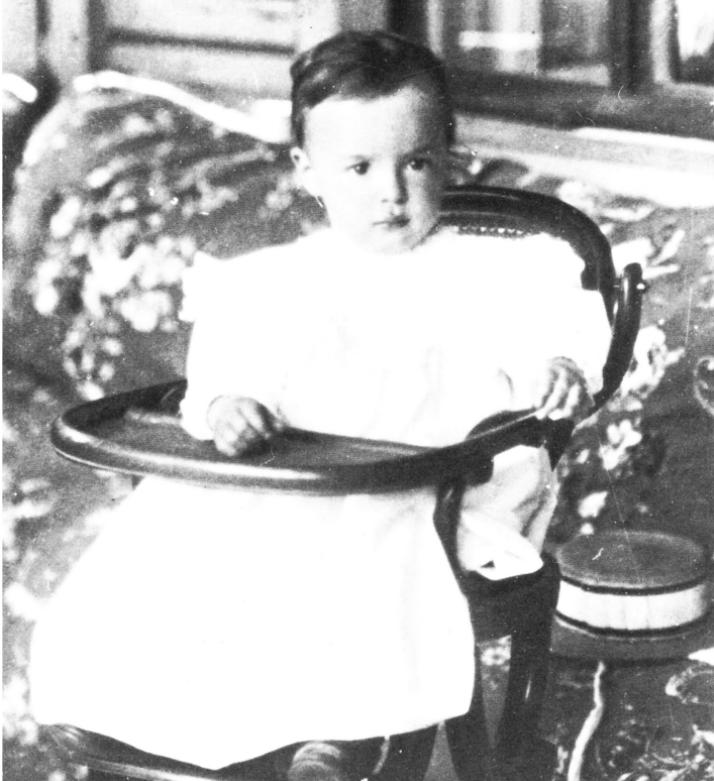
Благодаря большой домашней библиотеке к четырнадцати – пятнадцати годам Володя прочитал или перечитал всего Толстого по-русски, всего Шекспира по-английски и всего Флобера по-французски, не говоря уже о Пушкине, которого он боготворил. И это еще не всё. Как он сам пишет: «В Петербурге в возрасте от десяти до пятнадцати лет я, должно быть, прочёл больше прозы и поэзии – английской, русской и французской, чем за любые другие пять лет своей жизни. Особенно я любил Уэллса, По, Браунинга, Китса, Флобера, Верлена, Рембо, Чехова, Толстого и Александра Блока».

Брат по матери, Василий Иванович Рукавишников, дипломат, умер осенью 1916 года в Париже, завещав своему любимому племяннику Володе усадьбу в Рождествено, которая стоила не менее миллиона рублей. Таким образом, Владимир в 17-летнем возрасте стал обладателем колосального богатства, но не смог им воспользоваться по причине большевистского переворота 1917-го года, когда вся

семья эмигрировала на Запад. В 1919 году через Турцию, Грецию, Францию они добрались до Англии. В том же 1919 году Владимир стал студентом Кембриджского университета, вначале специализируясь по энтомологии, затем сменив ее на русскую и французскую словесность. В 1922-м году он с отличием окончил Кембриджский университет и переехал в Берлин, где его отец основал эмигрантскую газету «Руль». В этой газете Владимир не только печатал свои стихи и рассказы, но даже шахматные этюды. Чтобы его не путали с отцом, часто печатавшимся в «Руле» и других эмигрантских изданиях, он взял себе псевдоним «Сирин», под которым и публиковал свои произведения на протяжении первоначальной европейской эмиграции, т.е. с 1921 года по 1940-й.

Приехав в марте 1922 года на пасхальные каникулы, Владимир пережил самый трагический день в жизни – 28 марта убили его отца. Это произошло вечером в берлинской филармонии, где выступал с лекцией Милюков, лидер кадетской партии. Был полный зал – около 1500 человек. Двое террористов-монархистов предприняли попытку убийства Милюкова. Владимир Дмитриевич, защищая его, сбил одного из них с ног, пытаясь выхватить револьвер; второй негодяй, видя происходящее, выстрелил ему три раза в спину: смерть наступила мгновенно.

После гибели отца в апреле 1922 г. Владимир сделал предложение 17-летней Светлане Зиверт, дочери горного инженера. Родители Светланы согласились на помолвку при условии, что будущий муж их дочери найдет себе постоянное место работы. Нашлось место в немецком банке, но Владимир смог в нем продержаться всего 3 часа: он не мог привыкать себя к конторскому

Владимир, лето 1901 г.

Владимир в возрасте семи лет с отцом, 1906 г.

столу. Поэтому, когда 9 января 1923 года Владимир пришел к Зивертам, ему объявили, что его помолвка со Светланой расторгнута: родители не решились доверить свою семнадцатилетнюю дочь молодому мечтателю и денди (хотя целый раздел в книге Сирина «Горний путь» был посвящен Светлане).

Как же он зарабатывал себе на жизнь? Кем только, живя в Берлине, он не был: преподавателем английского и французского языков, переводчиком для газет, составителем шахматных задач и шарад, сочинителем маленьких скетчей и пьес, актером, голкипером в футбольной команде. Но, конечно, главным в его жизни было сочинительство. Начав, как прозаик, с рассказов и пьес, он стал незабываемым поэтом прозы. Первый роман «Машенька» написан в 1926 году. Далее выходят романы: «Король, дама, валет» (1928), «Защита Лужина» (1929), «Возвращение Чорба», «Соглядатай» (оба – 1930), «Подвиг» (1932), «Камера обскура» (1933), «Отчаяние» (1936), «Приглашение на казнь» (1938), «Дар» (1937–1938), «Solus Rex» («Одинокий король», 1940). Русская эмигрантская критика выделяла как вершины набоковского творчества романы «Защита Лужина», «Приглашение на казнь» и «Дар».

В 1940 году, нищим и никому неизвестным эмигрантом, Набоков приплыл в Америку. Здесь он стал ученым, писателем (перейдя на английский язык) и преподавателем – и к тому же неожиданно с изданием «Лолиты» прославился на весь мир. Здесь, в Америке, им были написаны романы «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1941), «Другие берега» (1951 – на английском, 1954 – переведен на русский), «Пнин» (1957), книга «Николай Гоголь» (1944) и огромный труд в 4-х томах, перевод на английский язык пушкинского «Евгения Онегина» и комментарий к нему. По объему и затраченным усилиям, вызвавший столько споров перевод пушкинского шедевра и тысяча двести страниц сопроводительного комментария обращают остальные его работы в картиков. Как смог писатель, которого прежде всего занимает стиль, а уж потом содержание, создать перевод, нарочито жертвующий каким бы то ни было стилистическим изяществом, чтобы с безжа-

лостной верностью передать буквальное значение пушкинских строк? И как удалось человеку, последовательно старающемуся отделить художественную литературу от «реальной жизни» предоставить больше, чем любой другой критик, сведений касательно тончайших деталей – времени и места, флоры и фауны, блюд и напитков, одежды и жестов – пушкинской и онегинской эпохи?

В 1960 году Набоков поселяется в Швейцарии в курортном местечке Монтрё, поразившее его еще в студенческие годы «совершенно русским запахом здешней еловой глуши». Выходят его романы «Бледный огонь» (1962), «Ада» (1969), «Прозрачные вещи» (1972) и «Смотри на арлекинов» (1974). Набоков умер 2 июля 1977 года в лозаннской больнице.

Нетрудно заметить, что набоковский экватор приходится на 1938-й год. Давайте заглянем в близкие годы, предшествующие ему.

В конце 1935 года Набоков получил известие от Зинаиды Шаховской, что на литературном вечере в Брюсселе в конце января 1936 года ему предстоит прочитать что-либо по-французски. За два-три дня в конце первой недели января он набросал «Мадемузель О». Рассказ был написан с такой подозрительной, по его мнению, легкостью, что он считал его третьесортной литературой. В нем содержится завуалированная просьба извинить его французский стиль – «излишняя предосторожность, – по словам Мориса Кутюрье, главного редактора собрания сочинений Набокова в издательстве «Плеяды», – учитывая, что его французский, хотя временами несколько тяжеловесен, в целом замечательно поэтичен».

Когда очередные волнения, связанные со своеевременным получением визы, остались позади, Набоков отправился в литературное турне: Брюссель, Антверпен и Париж. Хотя он к этому времени переработал «Мадемузель О», все же боялся, что рассказ покажется слушателям длинным и скучным. Его опасения не оправдались, и вечер 24 января в брюссельском ПЕН-клубе имел потрясающий успех, хотя публики было не очень много.

26 января бельгийский Русский еврейский клуб устраивал литературный вечер

Сирина в Брюсселе. Перед большой аудиторией он читал стихи, рассказал «Уста к устам» (впервые представленный на суд публики) и три последние главы «Приглашения на казнь», которые имели такой успех, что он решил включить их в свою парижскую программу. На следующий день он снова читал по-русски – на этот раз «Пильграм» – в антверпенском Русском кружке.

Спустя два дня Сирин приехал в Париж. Прямо с вокзала он отправился к Фондаминскому. Около половины восьмого, когда Набоков, Фондаминский и Зензинов едва успели разговориться, явился полу值得一ный, в нос говорящий Бунин и, несмотря на решительное сопротивление Набокова, потянул его обедать в ресторан. На следующий день Набоков писал жене:

Сначала у нас совершенно не клеился разговор, кажется, главным образом из-за меня. Я был устал и зол. Меня раздражало все: и манера его заказывать рыбчика, и каждая интонация, и похабные шуточки, и нарочитая подобострастность лакея, так что он потом Алданову жаловался, что я всё время думал о другом. Я так сердился, что с ним поехал обедать, как не сердился давно. Но к концу и потом, когда вышли на улицу, вдруг там и сям стали вспыхивать искры взаимности, и когда пришли в кафе «Мир», где нас ждал толстый Алданов, было совсем весело. Там же я мельком повидался с Ходасевичем, очень пожелтевшим. Алданов сказал, что, когда Бунин и я говорим между собой и смотрим друг на друга, чувствуется, что все время работают два кинематографических аппарата.

В Париже Набоков должен был выступать на литературном вечере вместе с Ходасевичем, который болел и сильно бедствовал. На объявлении в «Последних новостях» имя Ходасевича было набрано более мелким шрифтом, чем имя Набокова. Набоков пришел в ярость и настоял на том, чтобы в афише их имена были напечатаны одинаково.

Литературный вечер состоялся 8 февраля, и зал был переполнен настолько, что пришлось ставить дополнительные стулья. Давно пользовавшийся репутацией знатока державинской и пушкинской поры, Ходасевич в своем выступлении изумил собравшихся, поведав, что он открыл никому до сих пор не известного поэта Василия Травникова, который был на четырнадцать лет старше Пушкина и еще до пушкинских непосредственных предшественников начал «сознательную борьбу с условностями литературной аффектации; унаследованной девятнадцатым веком от восемнадцатого». Этим выступлением Ходасевич блестяще продемонстрировал близость Набокову, изобретательному мастеру литературных масок, ибо Сирин, в отличие от большинства слушателей, безусловно знал, что история Травникова была литературной мистификацией.

Во втором отделении Сирин прочел три рассказа – «Красавицу», «Terra Incognita» и «Оповещение». Вечер прошел с таким успехом, что один критик считал его достаточным основанием, чтобы опровергнуть обвинения эмигрантской литературы в несостоятельности, и назвал Сирина оправданием всей эмиграции.

Внизу: голкипер Набоков (в первом ряду) с другими членами футбольной команды Русского спортивного клуба, Берлин, 1932 г.

15 февраля Сирин выступал на поэтическом вечере вместе с Адамовичем, Берберовой, Буниным, Гиппиус, Ходасевичем, Ивановым, Мережковским, Одоецкой, Смоленским и Цветаевой – такой букет имен было невозможно собрать в Берлине со светлой памяти 1923 года.

29 февраля 1936 года Набоков возвращается в Берлин и снова приялся за «Дар». Однако в апреле он оставляет на время работу над «Даром» и пишет рассказ «Весна в Фиальте». В нём русский эмигрант Василий случайно встречает в приморском курортном городе Фиальта (сочетание названий азиатического Фиумы и черноморской Ялты) свою старую знакомую, прелестную женщину Нину. Она на протяжении пятнадцати лет, подобно яркой, но неверной комете, часто мелькала в его жизни. Зимней ночью 1917 года, на чьих-то именах, она одарила его поцелуем, и с тех пор он знал, как щедра она на любовь. Правда, только одна из их коротких случайных встреч утолила его чувства. Не в силах забыть об этих встречах и расставаниях в вихре времени, Василий признается ей в любви и тотчас, увидев, что она нахмурилась, обращает свои слова в шутку. Попчас спустя Нина погибает – машина, на которой она с мужем уехала из Фиальты, врезается в фургон бродячего цирка.

«А что, если я вас люблю?» Нина взглянула, я повторил, я хотел добавить... но что-то, как летучая мышь, мелькнуло по ее лицу, быстро, странное, почти некрасивое выражение, и она, которая запросила, как в раю, произносила непристойные словечки, смущалась; мне тоже стало не-ловко... «Я пошутил, пошутил!», – поспешил я воскликнуть, слегка обнимая её под правую грудь. Откуда-то появился у неё в руках плотный букет темных, мелких, бескорыстно пахучих фиалок, и, прежде, чем вернуться к гостинице, мы ещё постоали у парапета, и всё было по-прежнему безнадежно. ...и внезапно я понял то, чего, видя, не понимал дотоле, почему давеча так сверкала серебряная бумажка, почему дрожал от свет стакана, почему мерцало море: белое море над Фиальтой незаметно напивалось солнцем, и теперь оно было солнечное сплошь, и это белое сияние ширилось, ширилось, все растворялось в нем, все исчезало, и я уже стоял на вокзале, в Милане, с газетой, из которой узнал, что желтый автомобиль, виденный мной под платанами, погрел за Фиальтой крушение, влетев в полном ходу в фургон бродячего цирка, причем Фердинанд и его приятель, неязвимые пройдохи, саламандры судьбы, вспыхнули счастья, отдались местным и временным повреждением чешуи, тогда как Нина, несмотря на свое давнее, преданное подражание им, оказалась все-таки смертной.

В «Даре» судьба предпринимает несколько неудачных попыток свести героя и героиню, но в конце концов они находят друг друга и должны пожениться. «Весна в Фиальте» как будто намеренно перевертывает эту ситуацию: здесь судьбе удается снова и снова сводить Василия и Нину, но каждый раз их встречи ни к чему не приводят. И всё же каким-то образом длинная и не богатая событиями история их отноше-

ний – история, состоящая почти целиком из лакун, между которыми нет ничего, кроме мимолетных случайных свиданий, – обретает особую притягательность.

С несравненным мастерством Набоков воссоздает то богатство оттенков, которое сиюминутность придает каждой мелочи, здраво и проникновенно рисует западающие в память узоры времени. И вовсе не удивительно, что «Весна в Фиальте» всегда была одним из самых любимых его рассказов.

Кроме того, Набоков планировал совершить очередное литературное турне во Францию и Бельгию и не оставлял надежду, что сможет совместить с ним окончательный отъезд из Берлина. Намеченное на конец декабря, турне было отложено французской стороной всего за две недели до начала. К этому времени он закончил чистовик первой главы «Дара», фрагменты которой собирались читать на русских литературных вечерах. Кое-что он подготовил и для французских слушателей: эссе о Пушкине, столетие смерти которого отмечалось в январе 37-го. В этом месяце Набоков уехал из Берлина в Брюссель и, как окажется впоследствии, на землю Германии он больше не ступит никогда.

24 января Ходасевич открыл вечер Сирин в зале на рю Лас-Кас. Собравшиеся здесь многочисленные поклонники сиринского таланта услышали два отрывка из не оконченного еще романа «Дар», один из которых представлял собой пародийное описание эмигрантского литературного вечера. Продолжавшееся больше часа чтение было, по словам Алданова, «сплошным беспрерывным потоком самых неожиданных формальных, стилистических, психологических, художественных находок».

Чтение стало событием не только литературным. Среди слушателей была некая Вера Кокошкина с дочерью Ириной Гуданини, которой тогда шёл 32-й год. Еще на предыдущем выступлении Набокова в Париже, в феврале 1936 года, Вера Кокошкина, зная, что Ирина очень нравится Сирин, подошла к нему, осыпала его комплиментами и пригласила на чашку чая. Он принял приглашение, и его позабавило, что мадам Кокошкина играла роль сводни при своей дочери. На этот раз она снова захватила инициативу и пригласила Набокова на обед с Фондаминским и Зензиновым.

Замысел её удался. Ирина, привлекательная, кокетливая блондинка с поразительно правильными, классическими чертами лица, была хорошо образованной, наблюдательной, игриво-иронической женщиной, легко запоминавшей стихи. Скоро они с Набоковым стали появляться вместе в кафе и кинематографе, а к февралю их роман был в полном разгаре.

В Петербурге Иринино семейство принадлежало к тем же кругам, что и Набоковы. Брат ее отчима, Федор Кокошин, как и отец Набокова, был одним из руководителей кадетской партии. Большевики после октября 17-го арестовали его в петроградском доме той самой графини Паниной, у которой жил в Крыму отец Набокова после освобождения из-под стражи. Убийство Кокошкина вместе с Андреем Шингаревым в январе 1918 года прямо в больнице, где

они находились на лечении, потрясло всю либеральную Россию: эта расправа, немыслимая до революции, наглядно продемонстрировала либералам и тем левым, которые не принадлежали к большевистской партии, политический стиль Ленина и Троцкого. Даже юный Владимир Набоков обратил внимание на это событие и в годовщину гибели Кокошкина и Шингарева посвятил им стихотворение.

В Бельгии Ирина познакомилась с каким-то русским эмигрантом, приехавшим в отпуск из Конго, и вышла за него замуж. Брак был коротким. Мать, беспокоясь о ее здоровье, запретила ей ехать с мужем в Африку, и она развелась с ним, вновь взяла свою девичью фамилию и уехала с матерью в Париж. Хотя после Второй мировой войны она работала на радио «Свобода», а в шестидесятые годы выпустила небольшой сборник стихов, в тридцатые годы ей приходилось довольствоваться той работой, которую она могла найти. Она любила животных и зарабатывала тогда на жизнь стрижкой пуделей.

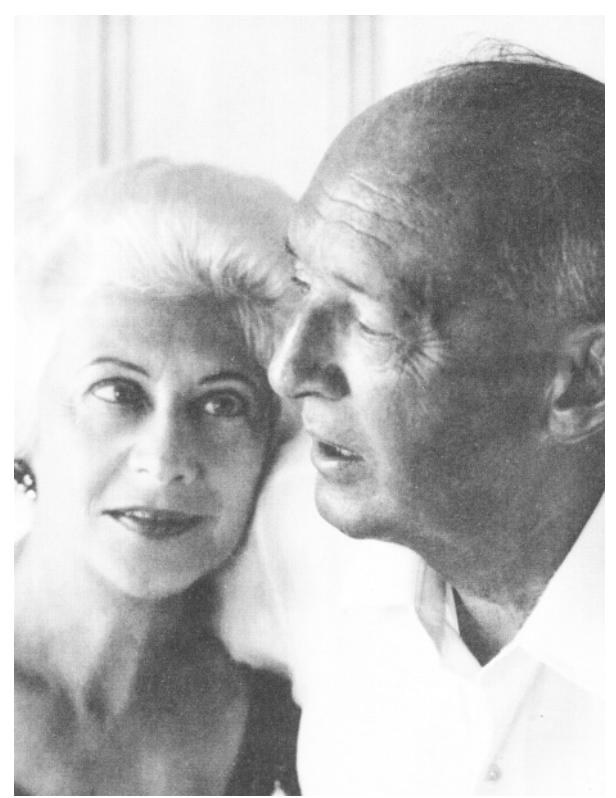
Десятью годами ранее Набоков ввел себя с женой в роман «Король, дама, валет», где они противопоставлены трём основным персонажам, вовлеченым в пошлый адюльтер. В реальной жизни он сурово порицал одного из кузенов за супружескую неверность и не одобрял другого за череду браков. Новое для него положение тяготило Набокова, и в феврале нервное напряжение привело к такому обострению псориаза, что «невыносимые мучения» чуть не довели его до самоубийства.

Между тем он ежедневно писал Веру, уговаривая её приехать как можно скорее, чтобы всей семьей переселиться на юге Франции. Вера, не подозревавшая об измене мужа, предлагала поехать в Прагу навестить, как они давно обещали, Елену Ивановну. Последняя сильно постарела, и порадовать её могла только встреча с любимым сыном и внуком, которого она никогда не видела.

В конце апреля Вера с Дмитрием выехала в Прагу и с облегчением вздохнула, когда их поезд пересек немецкую границу. Набоков после того, как получил новый паспорт, а затем и чешскую визу в нём, 20 мая выехал из Парижа. Поскольку Вера настаивала, чтобы он держался подальше от Германии, Набоков поехал на поезде через Швейцарию и Австрию. Маршрут был хотя и утомительным, но живописным: Альпы, горы, водопады, запах снега.

Утром 22 мая 1937 года он снова увидел крутые шиферные крыши старой Праги и встретился с сыном, трёхлетним бутузом, женой и матерью. В Праге Набоковы провели несколько дней, гуляя по холмам запущенного парка Стромовка, а потом отправились в Франценбад, где Вера, уже год страдавшая ревматизмом, собираясь принимать лечебные ванны.

В Чехословакии для Набокова образ Гуданини ярко сиял где-то за горизонтом, тогда как чувство вины и необходимость лгать омрачали ближнюю перспективу. Он тайно писал Ирине, признаваясь, что четырнадцать лет, которые они с Верой прожили вместе, были беззлачно-счастливыми (ни в одном из писем любовнице он не

Вера и Владимир, октябрь 1968 г. Посетители часто отмечали, что они – несмотря на свои шестьдесят шесть и шестьдесят девять лет – выглядели как юные влюбленные (фото Филиппа Халемана, 1966 г.)

сказал о жене ни слова осуждения), что они знают друг о друге каждую мелочь, и что теперь все это погибло. Вера получила анонимное письмо, в котором по-русски, но латинскими буквами подробно, на четырех страницах, описывался роман ее мужа. Набоков все отрицал, но ему мучительно трудно было притворяться, будто семейное счастье, как прежде, незыблально. «Невозможная пошлость обмана, – писал он Ирине. – И вдруг совесть ставит подножку и видишь себя подлецом». И всё же, не в силах порвать с Гуданини, он просит ее писать до востребования на имя В. Корфа в Прагу, где мать организовала его выступление.

Поезд, на котором он ехал из Франценсбада, сломался, и он едва не опоздал на собственный литературный вечер. Остановившись у матери в ее двухкомнатной квартире, он играл с ней в карты и разговаривал ночи напролет. 23 июня, пробыв в Праге пять дней, он навсегда уже, как выясняется впоследствии, простился с матерью и отправился к Вере в Мариенбад.

29 июня в Мариенбаде Набоковы купили путевки на Парижскую международную выставку, дававшие им пятидесятипроцентную скидку на железнодорожные билеты до Парижа при условии, что они поедут кратчайшим путем через Германию. Уже на следующий день они прибыли в Париж. Набоков направился к Фондаминской, а Вера с Дмитрием остановились у родственников Бромбергов.

7 июля Набоковы выехали в Канны, которые тогда были намного более дешевым

и менее многоглупым местом, чем сейчас. Через несколько дней после приезда в Канны, Набоков признался Вере, что влюблена в Ирину Гуданини. Он ничего не утаил. Вера ответила, что, если чувства его к этой женщине действительно столь сильны, ему немедленно нужно ехать в Париж. Он задумался и сказал: «Сейчас не поеду». Не было в его жизни хуже этой ночи, кроме той, когда убит был его отец.

Когда шок, вызванный его признанием, прошел, Набоковы стали заново строить свои отношения, основываясь на дружбе и взаимном внимании. Хотя, казалось бы, их жизнь наладилась, и Вера не возвращалась к неприятному разговору, мысли о Гуданини не оставляли Набокова. «Канн, – писал он тайно Ирине, – полон тобой».

В апреле «Современные записки» напечатали первую главу «Дара», которая была закончена еще в начале года. Оставалось доработать четыре большие главы, каждая длиною

почти в целый роман. Рукопись нужно было представить к выходу следующего номера «Современных записок», но Набоков решил, что начало второй главы требует значительной переработки. Поскольку на это ушло бы много времени, он отложил вторую главу и подготовил чистовой вариант четвертой: написанное за Фёдора жизнеописание Чернышевского. Так как она представляла собой самостоятельную часть текста, Набоков надеялся, что «Современные записки» напечатают ее, несмотря на нарушение последовательности глав.

В начале августа 1937 года Набоков отоспал окончательный вариант четвертой главы. Редактор «Современных записок» Вадим Руднев пришел в ужас: как можно сразу после первой главы предлагать читателям четвертую? Где он в последний момент найдет прозу, чтобы заполнить пробел? Набоков немедленно засел за переработку начала второй главы.

Он также сообщил Гуданини, что Вера узнала о продолжающейся между нимитайной переписке. Бушуют такие бури, писал Набоков, что он боится сойти с ума. Ирина ответила, что готова приехать в Канны и вместе с ним сбежать куда-нибудь. Набоков попросил не делать этого.

Еще одна неприятность долетела из Парижа. Руднев прочел главу о Чернышевском и наотрез отказался ее печатать в «Современных записках».

В третьей главе «Дара» Набоков описал те трудности, с которыми сталкивается его герой, попытавшись опубликовать такую спорную работу, как «Жизнеописание Чернышевского». Однако Федор в ро-

мане – автор малоизвестный, тогда как Сирена эмиграция признала лучшим писателем его поколения, а «Современные записки» на протяжении почти десяти лет печатали все его романы без малейших сокращений. Для Набокова отказ журнала печатать четвертую главу «Дара» стал полной неожиданностью. В отчаянии он писал Рудневу:

...позвольте обратить Ваше внимание на курьезное положение, в которое я попадаю: ни в советских изданиях, ни в каких-нибудь «правых» органах, ни в «Последних новостях» (Милюков, которому я предложил отрывок, обиделся, говорят, за пренебрежительный отзыв о лондонской выставке 1859-го года), ни у Вас, наконец, – я печатать «Чернышевского» не могу. Вы мне предлагаете Вам помочь найти для «Современных записок» выход: смею Вас уверить, что мое положение гораздо безвыходнее.

Из-за принятого Рудневым решения, «Дар» – книга, которую многие считают величайшим русским романом XX века, – еще пятнадцать лет не был напечатан целиком. Руднев, правда, просил прислать недостающие главы. Набокову, который остро нуждался в деньгах, пришлось уступить, и он засел за вторую главу. В четверг, 2 сентября, Руднев написал Набокову, что если в следующий понедельник к 8-ми утра рукопись не поступит в издательство, то наборщик, подготовивший к печати всю остальную часть журнала, вообще откажется иметь дело с этим номером. В ночь с воскресенья на понедельник Руднев не мог сомкнуть глаз от волнения, боясь увидеть в назначенный срок пустой почтовый ящик. Однако наутро он нашел в нем рукопись и передал в письме Набокову свой благодарный взгляд облегчения – «Уф».

А спустя день в Каннах появилась Ирина Гуданини. Хотя Набоков просил ее не приезжать, она, поддавшись на уговоры матери, решила рискнуть. Она приехала ночным поездом, отыскала их дом и пошла по направлению к пляжу. Увидев Набокова, который вел Дмитрия купаться, она бросилась к нему, быстро стуча высокими каблуками. Он отпрянул от неожиданности и сказал Ирине, что любит ее, но слишком многое связывает его с женой. Он попросил ее уехать, она отказалась и, когда он с Дмитрием расположился на пляже, села в отдалении. Через час Вера присоединилась к мужу и сыну. Когда вся семья пошла обедать, Ирина осталась на пляже. Позднее Набоков рассказал Вере о том, как Гуданини их сторожила. Это была его последняя встреча с Ириной.

Набоков решительно разорвал с прошлым, и они с Верой вскоре восстановили свои прежние отношения. Тем, кто близко наблюдал Веру и Владимира Набоковых, они казались молодыми возлюбленными и в шестьдесят, и в семьдесят лет.

